

Секция 1

ПЕРЕХОД ОТ ОДНОПОЛЯРНОСТИ К РЕАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

26 мая 2023 г. Конференц-зал «Стасов/Ушаков» (гостиница Radisson Royal)

Руководители секции:

И. И. БУЗОВСКИЙ	заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР
А. Д. ХЛУТКОВ	директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Д. О. БАБИЧ	журналист, обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
М. В. ЗАХАРОВА	директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук
Р. В. КОСТЮК	профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук
И. В. ЛАШУК	заведующая кафедрой экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Белорусского государственного экономического университета (Минск), кандидат социологических наук, доцент
В. К. МАМОНТОВ	председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» (Москва), генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»
Г. МЕТТАН	президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» (Женева), исполнительный директор Швейцарского клуба прессы
Д. В. МОСЯКОВ	заведующий Центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор
С. Г. МУСИЕНКО	директор Аналитического центра «ЕсооМ» (Минск), член Правления Союза писателей Беларуси
Г. В. НАУМОВА	писатель, культуролог, президент ассоциации Miracles (Париж, Франция), кандидат филологических наук
В. Н. ПУНЧЕНКО	заместитель директора Белорусского института стратегических исследований (Минск)
Е. В. РАДЕВИЧ	старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук
О. РОКПЛО	профессор Университета Сорбонна (Париж, Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук

Я. СТОКСЕТ	преподаватель Старшей школы г. Конгсберг (Норвегия)
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	заместитель президента РАН, член Президиума РАН, академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. А. ШАМАХОВ	научный руководитель, советник ректора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, генерал-полковник таможенной службы
А. Г. ШУМИЛИН	академик-секретарь Отделения физики, математики и информатики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, дорогие друзья! Нашу сегодняшнюю дискуссию ведет Игорь Иванович Бузовский, заместитель министра информации Республики Беларусь. Я не сомневаюсь, что он блистательно выполнит эту функцию. Хочу обратить ваше внимание, что ведутся прямая трансляция и аудиозапись дискуссии. Убедительно прошу вас высказываться предельно емко, энергично и кратко, чтобы дискуссия не превратилась в набор монологов. Это очень важно, поскольку Лихачевские чтения, посвященные диалогу культур, изначально задумывались нами с академиком Д. С. Лихачевым как диалоги ученых, людей науки, культуры, образования, искусства, выдающихся мыслителей — в общем, цвета гуманитарной мысли не только России, но и всей планеты. Нам с вами повезло, что наша основная деятельность — это то, чем мы на самом деле интересуемся, что доставляет нам большую радость в жизни. Искренне желаю вам удовольствия от общения и успехов в нашей общей работе!

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Тематика нашей секции достаточно отработана на предыдущих встречах — пленарном заседании и панельной дискуссии, но мы постараемся, чтобы сегодня каждый донес свои мысли не только до участников этого обсуждения, но и до тех, кто нас слушает и смотрит, потому что уже приходят отклики на идеи, которые озвучивались в ходе первых заседаний. Слово предоставляется Марии Владимировне Захаровой, директору Департамента информации и печати МИД России.

М. В. ЗАХАРОВА: — Важно понимать, что нынешняя очевидно нестабильная ситуация в плане международных отношений — следствие разрушительных действий Запада, совершенных в угаре, в опьянении от того, что они считают успехами в холодной войне. Идеологию, проводимую правящими на Западе режимами, можно трактовать как ультралиберализм или либеральную диктатуру — мне ближе второе. Если говорить о сути действий бывшего полюса в биполярной системе и их теоретического осмысления, то коллективный Запад просто пошел вразнос, пытаясь определить границы допустимого, а на деле, возможно, просто сломать все, что его хоть как-то сдерживает. Нужно отметить, что очень многое ему сошло

с рук. Первым пробным шаром стала Республика Гаити — тогда еще решение об интервенции войск США, если помните, принималось с одобрения Совета Безопасности ООН. Далее последовали Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия — везде были свои нюансы, но суть оставалась одной и той же. Ряд геополитических катастроф — длинный и печальный послужной список Вашингтона и НАТО. Значит ли это, что в будущей многополярности этот полюс и дальше будет нести разрушения? Нет, не значит. И это нужно понимать. Я очень хорошо осознаю, что и для наших западников, и для самого Запада это осознание наступит не сразу и будет очень болезненным. Но раба из себя выдавливать все-таки придется.

Любая система стремится к равновесию. Известный американский экономист Джеффри Сакс, чья позиция по украинскому кризису расходится с доминирующей на Западе, написал, что нынешняя глобальная ситуация, катализатором которой, в частности, стала Украина, основана на двух американских провокациях. Первая — расширение НАТО и объявление о включении в его состав Украины и Грузии в 2008 году, вторая — установление собственного, даже не прозападного, а просто собственного режима на территории Украины, который в конечном счете и поджег бикфордов шнур.

Возьмем Украину в качестве наиболее яркого примера подобной политинженерии. Противостоит естественно было пытаться в ускоренном постановочном режиме сделать элементом западной цивилизации то, что на протяжении веков было частью России. Мы прекрасно знаем, как развиваются цивилизации, как они исчезают или дают почву для возникновения новых цивилизаций. Но все это должно происходить естественным путем, а не как слом привычного порядка с высокотребовательным требованием отчета о ходе реализации плана. Мы видели, какие уродливые формы это принимало. Я приведу лишь два примера: заявления Порошенко об украинском рыцарстве и те ужасы, которые творили неонацисты из запрещенных у нас организаций «Азов» и Легион «Свобода России». Но заигравшийся Вашингтон пошел еще дальше — он захотел сделать из Украины не просто фланг Запада, а настоящую Антироссию.

История, в том числе новейшая, знает достаточно примеров подобного — и с разделенными народами,

и с разделенными на части государствами, и с правительствами в изгнании, которые так любит Запад. Скажем, что такое проект «Гуайдо» в Венесуэле или проект «Тихановская» в Беларуси? То же самое создание антигосударства, антистраны, антисоциума. В случае с Украиной проект был более масштабным, но суть его осталась той же. Где сейчас Гуайдо? Неизвестно. Он был изгнан, и даже не своими спонсорами в лице Вашингтона, для которых это норма — изгонять, исключать, избавляться от тех проектов, которые не сыграли (да и от тех, что сыграли, тоже). От Гуайдо отказались даже его сторонники в самой Венесуэле. А во что превратилась Тихановская? В точно такого же коммивояжера, преданного анафеме и собственным народом, и теми, кто изначально делал на нее ставку. Понятно, что и у каждого такого подобного проекта, как и у любого сектанства, которое развивается в противовес традиционным религиям, до определенного момента всегда будет своя паства.

Но вернемся к Украине. Все это привело к серьезной трагедии, которую мы сегодня наблюдаем. Можно с уверенностью утверждать, что на любое внешнее раздражение система реагирует либо крушением, если она неустойчива, либо — в случае стабильного порядка — реакцией. Тот стресс-тест, который сейчас проходит мир, собран отчасти из наследия биполярного мироустройства XX века, отчасти из попыток США навязать миру свою гегемонию в конце XX — первой четверти XXI века, отчасти — из нарождающегося многополярного мироустройства. И он наглядно демонстрирует следующее: равновесие не может быть достигнуто, если одни центры силы стремятся получить преимущество за счет других. Это очень важно как характеристика многополярности. Мы вчера говорили о том, какими характеристиками могут обладать центры многополярности. А это пример антихарактеристики, то есть то, что не должно быть свойственно нарождающейся многополярной системе, то, чему она противостоит. И здесь мы приходим к главному — механизм будущего мироустройства.

Уже сейчас очевидно, что взаимоуважительное общение разных полюсов — это и есть основа стабильной, процветающей системы межгосударственных отношений. Современный мир и глобален, и многополярен. Попытки изолировать Россию, окружить ее кордоном, превратить в изгоя, как видите, не сработали ни в том объеме, который предполагался, ни даже просто как механика. Государства, в которых проживает около 85 % населения Земли, не воспринимают коллективный Запад как некий идеал демократии, свободы, благополучия. Они все отчетливее видят его несовершенство, подчас просто откровенное уродство.

И мы на этом фоне продолжаем реализовывать независимый, самостоятельный, многовекторный внешнеполитический курс, наращивать активность на самых разных географических направлениях. Углубляется российско-китайское стратегическое партнерство, которое служит важным уравновешивающим фактором в мировых делах. Сегодня отношения между Москвой и Пекином, по оценкам и руководителей двух стран, и экспертов, наилучшие за всю историю. Причем, как

вы понимаете, это не конечная точка, это наивысший показатель в сравнении с прошлым, а будущее открыто. Поступательно развиваются отношения особо привилегированного стратегического партнерства с Индией, укрепляются связи с Бразилией и Ираном, ОАЭ, Турцией, Саудовской Аравией, ЮАР, многими другими странами. Крупнейшему расширению российско-африканских связей призвано способствовать проведение второго саммита «Россия–Африка» в июле 2023 года в Санкт-Петербурге. Кстати, не могу не отметить, что в ответ на любые инсинуации о конъюнктурности нашего апеллирования на данном этапе к Африканскому континенту можно просто напомнить, что это уже второй саммит — первый прошел в 2019 году. Проведение второго, на который придут главы африканских государств, требует очень серьезной и длительной подготовки, так что вы понимаете, что замысел возник отнюдь не сегодня. Это моменты, на которые нужно обращать внимание.

Фокус мировой экономики, а за ней и политики продолжает смещаться из Евро-Атлантики в Евро-Азию. Кто или что этому способствует? В первую очередь, сама Евро-Атлантика. Все, что она натворила за последние десятилетия и до этого, стало причиной разворотов, переворотов или смещения фокуса внимания. Целями ее политики неокOLONиализма 1970–1980-х годов были размещение производств в Азии, использование местных ресурсов за грошовую оплату, без учета западных стандартов прав человека. Эти страны считали, что все так и останется, забывая при этом, что сами же одновременно запустили процесс глобализации — по сути, просвещения определенных частей света, развития других уголков планеты. Но это же абсурд! Фантастическая история! Нужно еще понимать, насколько те регионы, в которые они перемещали свои производства, восприимчивы к опыту и как они исторически этот опыт развивали уже на собственных рельсах. А потом эти два процесса просто полностью сомкнулись, и появился новый мощнейший экономический центр. И кто в этом виноват? Об этом в США много говорят республиканцы. Консервативная часть общества, выступающая за продвижение и поддержку реального производства, понимает, что они сами, собственными руками все это создали.

Тот же Евросоюз больше не может претендовать на политическое, экономическое, ценностное лидерство на евразийском пространстве. Не может и не будет, потому что делегировал его, и уже не частично, как мы говорили пять-шесть лет назад, а полностью. За последний год процесс отказа от собственного суверенитета у Европейского союза завершился. С выходом Британии Евросоюз подвергся публичному унижению, фиксирующему его абсолютно несамостоятельную роль. То, как проходил Брексит, как шли переговоры, как это событие презентовалось мировому сообществу — все это было началом завершения процесса отказа Европейского союза от какого-либо суверенитета. Вторым фактором этого стала открытая расстановка на ключевые посты в Евросоюзе чиновников и представителей бюрократии, которые не то что были ориентированы на какие-то либеральные установки — они вскармли-

вались и приводились к власти руками Вашингтона. То есть, по сути, Вашингтон сделал с Евросоюзом то же самое, что и с Украиной, разве что с меньшим цивилизационным разломом, но в принципе точно так же пройдясь гусеницами своего танка по тонким европейским настройкам, полностью их разрушив.

У государств-континентов появилась реальная свобода выбора моделей развития, международных партнеров и возможностей участия в разных интеграционных начинаниях. Одним из наиболее динамично развивающихся региональных объединений является, конечно, Евразийский экономический союз, где Россия председательствует в этом году. Об эффективности и востребованности ЕАЭС свидетельствуют его разветвленные экономические связи. Неотъемлемым фактором региональной стабильности остается сотрудничество в рамках ОДКБ, продвигается взаимодействие по линии СНГ. В СНГ этот год объявлен Годом русского языка как языка межнационального общения. Ярким примером многополярной дипломатии, взаимовыгодного, равноправного, многостороннего партнерства в Евразии, да и в мире в целом служит деятельность таких межгосударственных объединений, как ШОС, БРИКС, в работе которых Россия принимает самое деятельное участие. В них нет ни ведущих, ни ведомых, решения принимаются на основе консенсуса с учетом мнения всех стран, даже тех, кто присоединился недавно. Сам процесс принятия новых членов обусловлен не жесткими требованиями «или-или», на уровне шантажа, как это делается в других структурах блокового характера. Длительный переговорный процесс о вступлении в наши интеграционные объединения учитывает детали, нюансы, традиции и происходит путем гармонизации, сопряжения интересов, а не в ультимативной форме, в какой, например, сейчас из Брюсселя разговаривают с Сербией. Эта страна, может быть, и сама неплохо существовала бы, если бы ее не поставили в такие условия, в которых ей волей-неволей приходится двигаться в сторону евроинтеграции. И мы теперь прекрасно понимаем, что это не движение, а унижение, доведенное до крайней степени, причем не кулуарное, не закулисное, а непременно демонстративное. Надо отдать Сербии должное, она проходит эти испытания достойно.

В заключение я хотела бы сказать, что эффективный, сложившийся консенсус — залог успешной многополярности. В тех, кто на различных международных площадках вечно пытается размыть принцип консенсуса, мы видим наиболее оголтелых противников многополярности. Но это, опять же, либо происки американской гегемонии, либо выпады утративших всякую самостоятельность сателлитов США. Однако сама диалектика исторического процесса диктует логику дальнейшего развития событий. Все больше государств будут понимать неизбежность становления подлинно демократического международного миропорядка, и голос России в данном вопросе будет звучать все громче в полной солидарности с голосами представителей глобального большинства. Вам, полагаю, известно о состоявшейся 29 апреля 2023 года глобальной онлайн-конференции, посвященной многополярности.

Она была организована по инициативе исследователей-политологов из Бразилии, Индии, Китая и России. Мероприятие было беспрецедентным по формату и географическому охвату. Марафон длился 17 часов, в нем приняли участие свыше 120 выступающих из более чем 60 стран. Абсолютное большинство участников встречи сошлись во мнении о безальтернативности многополярного мироустройства. Это мероприятие — лишь одно из свидетельств становления нового справедливого миропорядка. Это будет очень непросто, но начало уже положено.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Мария Владимировна, хотелось бы понять исходя из ваших мыслей: так кто же виноват и что делать в связи с тем, что на ключевые посты в Европе США поставили тех, кого хотели? Не одна Российская Федерация этим возмущается. Для того чтобы обеспечить переход от однополярного мира к реальной многополярности, надо понять, почему и как это стало возможным. Это экономика, разведка, что это?

М. В. ЗАХАРОВА: — Мы уже вчера говорили о том, что видим все больше примеров настоящей глобальной мистификации. Проблема в том, что при понимании всей этой постановочности, ложности посылов целого ряда государств, которые мы называем коллективным Западом, нельзя утрачивать такое понятие, как доверие, потому что без него мы все уйдем в глубочайшее пике. Это те Сцилла и Харибда, между которыми нужно пройти: нельзя поддаваться на эти ложные послы, но нельзя и полностью отказываться от доверия как элемента международных отношений. Мы видим замечательные примеры того, как именно доверие друг к другу разных игроков со всеми атрибутами собственной политики и собственными интересами становится залогом успешной реализации проектов и самых смелых планов. Сейчас много вспоминают о распадае Советского Союза и о том, что этому событию непосредственно предшествовало, ведь именно в этом периоде кроются корни наших сегодняшних проблем. Многие говорят, что нужно было быть умнее, хитрее, правильнее и т. д. Не хочу даже это обсуждать. Выскажу свое личное мнение: шанс на построение нового мира после окончания холодной войны, безусловно, был. И, оглядываясь назад, мы видим, как Запад этим шансом воспользовался.

Нужно записать огромными буквами в учебнике по политологии, что одним из ярчайших примеров не просто ложной сути, но глобальной нечистоплотности Запада является его политика в 1980–1990-х годах. Тогда была уникальная возможность построить новый справедливый мир, в том числе глобализироваться, но в хорошем, правильном ключе, по направлению к глобальной деконфронтации. Но этот шанс был уничтожен Западом. Под видом процессов, связанных с интеграцией, сотрудничеством и тому подобным, шло очередное планирование разделения мира на сектора: одни должны поставлять сырье, вторые — предоставлять территории, третьи — трудовые ресурсы, и т. д. Этот исторический период, на мой взгляд, дол-

жен остаться в научном анализе наиболее ярким примером сути политики коллективного Запада. И ведь я сейчас не привела никаких оценочных суждений, ни со знаком «плюс», ни со знаком «минус», только факты. Вспомните: были и разрядка, и разоружение, и открытие границ, и либерализация внутреннего законодательства у нас и в других странах, и полное открытие рынков — все для того, чтобы выстраивать сотрудничество, ориентированное на будущее именно в глобальном плане и в мирном русле. И это все было растоптано. Расширение НАТО, государственные перевороты на Украине, Ливия, Сирия — всё это локальные примеры. Глобальный же пример в том, как коллективный Запад ответил на окончание холодной войны, посчитав, что должен записать себе в актив победу, и не увидев главное — стремление стран выстроить новый мировой порядок.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово предоставляется Андрею Драгомировичу Хлуткову, директору Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства государственной службы при Президенте РФ.

А. Д. ХЛУТКОВ: — Я вчера говорил, что спорить о многополярности уже бессмысленно, это очевидный факт. Предметом дискуссии могут являться лишь какие-то соображения по поводу центров силы, хотя и здесь, как мне кажется, все ясно. Разве что более точные координаты могут определить мировую локацию этих центров силы. Но сейчас, я считаю, очень важно поставить вопрос в контексте Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой 31 марта сего года. Это очень серьезный и своевременный документ, отвечающий на многие вопросы, стоящие сегодня перед нами.

При анализе многополярности мира важно четко структурировать и понимать нашу собственную диспозицию. Россия часто противостояла агрессии, выступала миротворцем, участвовала в разрешении международных конфликтов. Но мы всегда действовали в рамках какого-то блока, не в одиночку, а вместе с союзниками. То же самое происходит и сейчас. Мария Владимировна упомянула Сербию. Мы очень активно сотрудничаем с этой страной. У меня трехлетний опыт плотной работы с Сербией со стороны Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга. И мы, конечно, понимаем, насколько ей сейчас непросто. Я хочу обратить ваше внимание на беспрецедентный, как мне кажется, случай, иллюстрирующий отношение гражданского общества. В прошлом году мы были на площадке Белградского университета. Это по сути объединение всех сербских вузов, там обучаются свыше 100 тыс. студентов и идет подготовка специалистов практически по всем направлениям — от медицины до высшей математики и ядерной физики. Так вот, профессора Белградского университета говорят: «Мы внимательно наблюдаем за действиями правительства Сербии. Если у нас возникает ощущение, что оно уходит куда-то влево или вправо от российско-сербской повестки, мы сразу пишем докладные

записки президенту, выравнивая курс в отношении стратегического партнерства с Россией». Я считаю, это ценнейшее достижение — когда во внешней политике участвуют просвещенные люди, которые, конечно, во многом выражают интересы простых сербов, включая тех, кто обучается в университете, и тех, кто раньше там работал. Мне кажется, это высшая степень народной демократии, причем в самом цивилизованном виде, когда через науку, через обсуждение, через публичность важными данными и маршрутными картами снабжается в том числе и политическое руководство страны.

Я не могу не сказать о необходимости определения такого пула союзников, который нужен при любой многополярности, потому что полюс тем сильнее, чем он многочисленнее и разностороннее. И, конечно, это со всех точек зрения можно отнести только к конкурентным преимуществам этого полюса. Существовавшая Организация Варшавского договора — самый яркий пример консолидации наших союзников. Я думаю, мы наверняка работаем над проектом нового Варшавского договора, по всем признакам это видно, и, мне кажется, это абсолютно правильный вектор. С кем-то на разных этапах мы решительно размежевались, как сказал Владимир Ильич, но именно для того, чтобы в дальнейшем непременно объединиться. И это нужно постоянно держать в уме: чтобы не просто констатировать чье-то пребывание на определенном полюсе, но и бороться за то, чтобы с других полюсов люди переходили на наш и объединялись вокруг Российской Федерации. Важно подчеркнуть, что любая серьезная работа, в том числе под знаменами цивилизации, требует укрепления самой цивилизации. И в основе этого, конечно, лежит образовательный процесс.

Я нахожусь под впечатлением вчерашнего заседания Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, которое проходило в жесткой дискуссии по поводу того, как трансформировать Болонскую систему. Мы фактически от нее отказались в пользу возвращения к проверенной советской конструкции. Оснований ей не доверять у нас нет: если сейчас попросить поднять руки тех, кто учился четыре года на бакалавриате, здесь таких не найдется — все оканчивали специалитет. Я просто хочу напомнить исторический факт: в самом начале 1950-х годов в СССР приехала с визитом очень серьезная делегация конгрессменов из США. Они изучали феномен нашей Победы: как советский народ смог одержать победу во Второй мировой войне и, понеся огромные людские потери, в кратчайшие сроки восстановить практически полностью разрушенное хозяйство Европейской части страны. Итоговый закрытый доклад Конгресса США содержал заключение о том, что если не удастся трансформировать советскую систему высшего образования, то русские никогда не победить, ни в какой войне — ни в холодной, ни в горячей.

Сейчас очень важно, чтобы мы рассматривали систему образования как стратегическое направление нашей безопасности и нашей силы. Поэтому, когда сегодня говорят о том, что нужно вернуться к «базовому» образованию, но оставить четыре года обучения,

это, конечно же, абсолютно неправильно. Мы должны учитывать собственные интересы и, разумеется, ориентироваться на потребителя. А потребителем сегодня является промышленность, которая перестраивается, ориентируясь на принцип технологического суверенитета. И многое из того, что происходит, в том числе на международной арене, подсказывает нам, что в первую очередь мы должны рассчитывать только на собственные силы. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Момент очень важный, и вопросы национальной и стратегической безопасности не только России, но и всего нашего блока зависят от того, насколько качественно мы подготовим поколение квалифицированных специалистов, умеющих среди прочего принимать правильные управленческие решения. От этого зависит едва ли не все. Поэтому вопросы управления также должны быть внесены в актуальную повестку в рамках корректировки наших походов к совершенствованию системы высшего образования.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Андрей Драгомирович, мне очень близка Ваша мысль, я периодически думаю о том, что, говоря о переходе от однополярности к многополярности, мы зачастую склоняемся к технократии, экономике, процессам реального сектора экономики. Но, на мой взгляд, все-таки должен учитываться некий паритет в гуманитарной и социальной сферах, и образование — одна из ключевых тем. Я не случайно задавал Марии Владимировне вопросы «кто виноват?» и «что делать?». Продвижение идей, которое осуществлялось не только и не столько через экономику, по-видимому, и позволило США встроиться в ключевые управленческие механизмы ЕС и других мировых коммуникантов за счет целеполагания, которое было определено в первую очередь не через технократические и экономические, а через ценностные приоритеты. Поэтому на сегодняшний день в Республике Беларусь в качестве национальной стратегии заявлены цели устойчивого развития.

Буквально позавчера в Беларуси сложила свои полномочия Иоанна Казана-Вишневецкий, с 2018 года выполнявшая обязанности Постоянного координатора ООН в рамках компетенции цели устойчивого развития в Беларуси. Ее карьера в ООН строилась в Польше, на Украине и в Литве, а перед приездом в Беларусь — в Нью-Йорке. С апреля 2019 года и по сей день должность Постоянного представителя Программы развития ООН в Беларуси занимает Александра Соловьева, гражданка Российской Федерации, магистр госуправления Университета Колорадо в Денвере. Офисом Международной финансовой корпорации (IFC) в Беларуси с ноября 2012 года руководит Ольга Щербина, магистр бизнес-администрирования (МВА) Университета Миссисипи. Она отвечает за разработку и реализацию стратегии IFC в стране, поддержание диалога с правительством, развитие инвестиционной программы и курирование проектов консультативной помощи IFC, реализуемых в Беларуси. Это ключевые вещи, которые не замыкаются на экономику и являются стратегически и жизненно важными для государства. Это цели, стратегии развития

контактов на совершенно ином уровне, формирование лояльности, паритетов развития мысли во взаимоотношениях не только между странами. Почему же это происходит? Есть ли у этого экономическое обоснование: вложения в социальные проекты, в образовательную систему? И не являются ли все эти специалисты неким троянским конем? Вот о чем мне хотелось бы порассуждать.

М. В. ЗАХАРОВА: — Если посмотреть, сколько подобных американских специалистов разъезжают по всему миру и подключаются к региональным программам, да помножить все это на бесконечную озабоченность делами во всем мире, высказываемую с трибун Госдепа Вашингтона, хочется сказать: вы бы заехали в Филадельфию, просто погуляли бы там, прошлись по улицам. Уверена: она бы не предстала перед вами такой, какой показана в известном клипе на соответствующую песню. Это же ад на земле! И это не последствия стихийного бедствия, не зона поражения после глобальной катастрофы, куда невозможно проникнуть без ущерба для здоровья, не льдина с полярниками, которую невозможно пришвартовать, не затонувшее судно. Это просто город на территории Соединенных Штатов Америки, который давным-давно превратился в настоящую клоаку, в стихийное бедствие, поразившее тысячи людей. Нельзя ли всю эту мощь американской экспертной мысли направить на то, чтобы вытащить из беды хотя бы Филадельфию? И таких городов в США огромное количество! Города-призраки, в которых люди потеряли всякое человеческое достоинство — они уже даже не понимают, что такое человек по своей сути. Потому что на законодательном уровне разрешены и легализованы все виды экспериментов. Я прошу прощения, но в Нью-Йорке магазины, продающие наркотики, абсолютно легально рекламируются, и расположены они примерно через каждые 50–100 метров. Вдумайтесь только! Вот можно же силу экспертной мысли США направить на преодоление конкретных проблем в самих Штатах? Я абсолютно серьезно сейчас говорю: как только администрация какого-нибудь президента США на примере хотя бы одного своего города покажет миру, что она способна решить проблему, — забрезжит надежда. Все поймут, что им это по силам. А как можно заниматься проблемами от Мьянмы до Судана — причем мы видим результаты их деятельности: люди уже стонут! — если конкретный город погрузился в пучину на территории самих США? Это к вопросу относительно экспертов из Миссисипи.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово предоставляется академику РАН, Почетному доктору СПбГУП Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — К вопросу о клоаках, о которых говорила Мария Владимировна. Я вспоминаю, как в первый раз побывал в Австрии в 1990-е годы. Подходим мы к дворцу Шёнбрунн в центре Вены — и что мы видим у входа? Лежат хиппи, человек пятнадцать-двадцать. Рядом — скорая помощь, санитары в стерильных

условиях вводят им наркотики. Я спрашиваю: «Как же так? Это же статья!» Мне отвечают: «Нет-нет, это большие люди, мы их всех знаем. Если мы не введем им наркотик — они все разнесут». «Да как же так? — возмущаюсь я. — Неужели полиции нет?» И мне отвечают: «Мы не можем всех сдавать в полицию. Это массовое явление, нужно перевоспитывать».

М. В. ЗАХАРОВА: — Заместительная терапия.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Совершенно верно. А в Амстердаме вообще обслуживают всех подряд. Вагончики стоят, чтобы не дай бог одним шприцем двое-трое не пользовались, потому что ВИЧ на Западе в 80 % случаев передается через инъекции, а не половым путем. Поэтому внимательно следят, чтобы из одного шприца два раза не кололи. Ничего себе обслуживание — верх демократии! Мы возмущаемся: «Клоака! Ужас!» — а они отвечают: «Мы же думаем обо всех».

Теперь подумайте: а как Соединенные Штаты стали гегемоном во всем мире? Это же целая система! Я читаю лекции по иммунологии, так вот, в начале прошлого века никаких американцев в этой сфере не было и в помине. Кто получал Нобелевские премии? Европа. Понемногу — Австрия, Франция, Россия и много — Германия. Почти через год — немцы, немцы, немцы во всех сферах. А что потом? Когда к власти пришли нацисты, Америка забрала всех ученых к себе. Карл Ландштейнер не мог получить Нобелевскую премию в Австрии и сразу через год получил в Америке — за открытие группы крови, хотя до него это уже сделал Пауль Эрлих. В Европе дискуссия — спорят, рассуждают, а в США продвигают моментально. Нобелевская премия была вручена 970 раз, из них больше 400 ушли в Соединенные Штаты. У нас в стране 20 с чем-то нобелевских лауреатов, а у них — 400. Чувствуете разницу? У них сейчас в Массачусетском технологическом институте работают десять нобелевских лауреатов, в Гарварде — восемь, в Стэнфорде — шесть.

В том же Стэнфорде беговые дорожки с тартановым покрытием тянутся по всей территории университета. И вдоль одной из таких дорожек под колпаком стоят скульптуры Родена — 110 фигур. Причем не копии, а оригиналы. В 1930 году Рокфеллер купил у Родена всю коллекцию, первые шесть вариантов, и подарил Стэнфордскому университету. Сначала они стояли в одном здании, потом в подвале библиотеки, затем в музее, а в дальнейшем было решено, что лучше разместить их поблизости от беговой дорожки, и их выставили на улице: «Врата ада», «Бронзовый век», «Мыслитель». И никаких тебе экскурсоводов, только бронзовые фигуры, и на табличках написано: «Роден». Мрамор под колпаком, бронза тоже защищена. Люди бегают — и просвещаются. Приезжаю я в Париж на конференцию в Институте Пастера, иду в Музей Родена: «Сколько у вас скульптур?» — «78». — «Как 78? Их же 110». — «Ну, знаете, у нас нет полной коллекции — миллиардеры все раскупили». В Музее Родена — 78 скульптур, а у бегунов в Стэнфорде — 110. Я к чему это говорю? Соединенные Штаты не просто так вдруг стали силой — они сто лет шли к этой моно-

полярности. Наука, культура, образование — использовалось абсолютно все.

В. В. Путин и С. В. Лавров считают, что необходимо детально разобраться в том, что представляет собой многополярный мир. По этому поводу высказывают свои мнения дипломаты, историки и пр. В данном контексте возникает понятие «неформальные империи», вокруг которых будут формироваться главные полюсы мира. Первая империя — Соединенные Штаты Америки, вторая — Китай и третья (под вопросом) — Россия. Под вопросом, потому что империи взаимодействуют между собой, например США и Китай. А с Россией многие страны порвали отношения, и сейчас с США нас связывает только контроль над вооружениями. Как справедливо высказался Посол РФ в США А. И. Антонов, в отношениях с Америкой мы дошли до последней черты. Какую роль будет играть Россия в многополярном мире, если с нашей страной сознательно разрывают отношения и изолируют нас? Эти важные вопросы нужно детально проанализировать.

В ходе сегодняшней дискуссии обсуждались в том числе итоги реформ. В результате реформы государственных академий наук в 2013–2014 годах были объединены три академии (Российская академия наук, Российская академия медицинских наук и Российская академия сельскохозяйственных наук), недвижимость и имущество передали в ведение Федерального агентства научных организаций (ФАНО), а потом Министерства науки и высшего образования, сформировали корпуса экспертов РАН для научного обеспечения работы органов власти и экспертизы важных государственных проектов и пр. Но нам не рассказали, к чему эта система управления должна привести.

Можно выделить две главные функции научно-методической экспертизы: экспертиза и выстраивание перспективы (анализ со стороны ученых). Но чтобы осуществлять научно-методическое руководство, надо вести постоянный мониторинг. Однако даже если проект получит отрицательную рецензию, по российским законам ничего не произойдет — финансирование не прекратится, и он продолжит работу.

Существуют две системы управления (будь то государство, наука и пр.). Первая — централизация, вертикаль власти, как в армии. Но как этот принцип можно внедрить в сферу науки? Вторая — демократическая. В науке пока все не обсудим и не достигнем консенсуса, не будет дано согласия на выполнение, для чего мы и приглашаем экспертов.

По своей природе наука предполагает постоянное противостояние меньшинства большинству. Необходимо всегда что-то доказывать, обосновывать, а большинство говорит: «Не может быть». И государство все это должно учитывать. Мы следуем неформальному лозунгу: «Да здравствует все то, благодаря чему мы несмотря ни на что!»

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Мария Владимировна, прошу Вас.

М. В. ЗАХАРОВА: — В обсуждении был затронут вопрос о европейских центрах здравоохранения, кото-

рые постепенно исчезают в связи с тем, что происходит постоянная «перекачка» специалистов. Хотела бы озвучить два момента в контексте этого тезиса.

Первый. Германия, которая до сих пор позиционировалась в качестве лидера в сфере здравоохранения, в период пандемии не сумела предоставить продукт в качестве ответа на распространение вируса. Это послужило индикатором. Как такое вообще стало возможным? В Германии сосредоточены крупнейшие производители лекарств, действует строгая дисциплина, роль этой страны в регулировании фармрынка велика, но она не смогла выдать результат.

Второй. Председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен закупила американскую вакцину *Pfizer* на десятки миллиардов евро, чтобы обеспечить ею весь Евросоюз. Сейчас ведется расследование по этому поводу. Если у Европейского союза есть такие средства на закупку вакцины, то они должны были быть направлены на исследования и стимулирование собственного производства на базе Германии, Франции, Италии. Но идет постепенное разрушение отрасли, что свидетельствует о следующем этапе — разрушении европейской идентичности: мы наблюдаем не только перекупку препаратов и лицензирование по своему образцу, а также перекупку врачей, но и внедрение людей, которые изнутри разрушают еэсовскую идентичность.

То же самое происходит и в спорте. В ЕС на этом принципе был построен собственный спорт. Что сейчас происходит с российскими и белорусскими спортсменами и спортом? Пока европейцы могли перекупать наших спортсменов, они давали нам возможность развивать свой спорт и участвовать в соревнованиях, потому что им это было выгодно. Мы на своей инфраструктуре готовили спортсменов, а они в момент взлета их перекупали. Но все изменилось в тот момент, когда сами спортсмены захотели остаться в своих странах. Как только спортсмены по целому ряду причин (финансовые, материальные, идеологические и пр.) решили выступать за свою страну, начали оставаться внутри страны и работать на спортивные достижения, по российскому спорту был нанесен удар.

Следующий этап — это создание преференций, затем разрушение тех, кто раньше обеспечивал эти преференции. В медицине и спорте таких примеров очень много.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — В России было разработано несколько вакцин против COVID-19: Центром им. Н. Ф. Гамалеи (А. Л. Гинзбург, Д. Ю. Лагунов), Научным центром исследований и разработки иммунобиологических препаратов им. М. П. Чумакова и Новосибирским научным центром «Вектор». Известны фамилии разработчиков отечественных вакцин против COVID-19, в отличие от Европейского союза, потому что Германия и Франция не участвовали в создании вакцин. На территории этих стран работают огромные фармакологические концерны, но фармфирмы не заинтересованы в проведении исследований отдельными лицами, что прописано в уставах и связано с распределением прибыли.

Если сравнить две академии наук — Российскую и Китайскую, то можно сделать следующий вывод. При создании Китайской академии наук 1 ноября 1949 года (одновременно с образованием Китайской Народной Республики) за образец была взята Академия наук СССР (отделения, выборы и пр.), но китайцы отказались от двухступенчатой системы: у них есть только академики и нет членов-корреспондентов, но количество членов такое же, как в РАН, — 800 человек. В 1977 году Китайская академия наук из своего состава выделила Отделение философии и общественных наук в самостоятельную государственную академию — Китайскую академию общественных наук. Кроме двух крупных академий, в Китае действуют и небольшие академии: медицинская, искусств и пр.

Академия общественных наук и Китайская академия наук процветают, так как в Китае академическая наука находится на высоком уровне. Они работают по российской системе, но есть нюанс. Последние 30 лет Россия тратила на науку примерно 1 % ВВП (сейчас — 1,07 %, в 2012-м, когда были выпущены майские указы президента, было дано указание повысить этот показатель до 1,78 % к 2017-му). В Китае расходы на науку в 1949 году составляли 0,5 % ВВП, а последние 12 лет — 2,4 %, в США — 2,9 %.

Говоря об идеологии, которая затрагивалась в ходе обсуждения, хочу сказать, что идеологию надо возвращать. Необходимо воспитывать патриотов своей страны. Приведу пример: если Китай попросит вернуться в страну своих ученых, которые работают по всему миру, придут 99 %, а у нас — 10 человек.

А. Д. ХЛУТКОВ: — Комментируя яркие примеры из области медицины и спорта, следует сказать, что не только спорт и медицина, но и вся финансовая система находится в руках тех же людей. Попытки скорректировать это, развить национальную финансовую систему, перейти в международную торговле на национальные или региональные валюты встречают противодействие. Едва ли не главная причина недовольства наших оппонентов связана с тем, что мы замахнулись на Бреттон-Вудскую систему и предложили использовать национальные финансовые системы, региональные валюты, основываясь на принципе справедливости, пропорциональности и выгоды национальных участников мирового экономического процесса. Не только в медицине и спорте, но практически в каждой отрасли мы можем найти подкрепление нашим словам.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово предоставляет академику Национальной академии наук Беларуси Александру Геннадьевичу Шумилину.

А. Г. ШУМИЛИН: — Хотел бы ввести в дискуссию о многополярном мире ряд экономических категорий, попытаться поставить диагноз и определить способ лечения. Все это необходимо для того, чтобы понимать происходящие сегодня глубинные процессы.

Цикличность экономики никто не отменял. Приблизительно каждые сто лет происходит смена социально-экономической формации, замедляется разви-

тие экономики и государства, и человечество придумывает что-то новое. В Соединенных Штатах Америки очередная смена произошла на рубеже XX–XXI веков, когда либеральная экономика, которая была выстроена по всему миру и основывалась на деньгах, продемонстрировала отсутствие необходимых темпов развития, то есть началось замедление развития. На это наложились пандемия коронавируса. Либеральная глобальная экономика показала несостоятельность развития в условиях ковидных ограничений, что внешне выразилось в уязвимости построения мировой системы.

За последние сто лет 55 % ресурсов экономики перешло из материального в так называемый интеллектуальный сегмент. Сегодня 55 % мировых ресурсов — это интеллектуальный капитал, а не станки, машины, природные ресурсы и энергетика. Можно с уверенностью сказать, что миром правят технологии, которые все в большей степени определяют развитие цивилизации.

В условиях кризиса первое, что сделали страны Запада, — отключили Россию от международных платежных систем. Это в определенной степени ограничило наши экономики, но Беларусь и Россия быстро справились с возникшей проблемой. Кроме того, наши страны начали ограничивать в технологиях. И это ударило по нам сильнее. Например, перестали поставлять системы АВС фирмы Bosch для автомобилей, хотя технологически их несложно сделать, но это потребует времени. Также у нас нет чипов для производства микроэлектроники, и, как в любом сложном технологическом процессе, быстро наладить их производство не получится.

В это время появляется цифровая экономика — это чистый интеллект. То есть в принципе меняется подход к экономическим процессам. Чтобы написать программу, не нужно больших вложений и ресурсов. Все высокотехнологичные компании, такие как Google, Microsoft, Tesla, растут. Известным нефтяным компаниям больше ста лет, а кто про компанию Tesla знал десять лет назад и мог представить, что сегодня ее стоимость составит больше 44 млрд долларов?

Основная проблема многополярного мира — появление искусственного интеллекта. Илон Маск предложил приостановить его развитие. Но искусственный интеллект уже создан, и он лучше, чем человеческий. В отличие от нашего интеллекта, он быстро учится. Сегодня компьютерная программа хорошо рисует, пишет тексты, и иногда даже сложно отличить, какой текст написала машина, а какой — человек. В виртуальной реальности уже покупают картины, созданные компьютером, дома и участки.

Мы живем в постоянно меняющемся мире. Сегодня человечество не может осознать, к чему приведет развитие искусственного интеллекта и технологий. Создание паровоза, автоматизация производства, появление электричества — все это обусловило повышение производительности труда. Никто сегодня не сможет предсказать, как технологии повлияют на мир в целом.

В советском кинофильме «Приключения Электроника» был показан робот. Когда же на самом деле робот (фактически искусственный интеллект) был спроекти-

рован, представители недружественных стран задали вопрос: как его можно остановить и ограничить? Если есть кнопка, искусственный интеллект можно остановить. Электроник, то есть искусственный интеллект, в один прекрасный момент решил, что хочет стать человеком, выйти из-под контроля создателя и жить как обычный человек. Уже тогда высказывалась идея, что искусственный интеллект может захотеть стать человеком. Но Электроник в конце фильма добровольно вернулся к своему создателю. А если бы он не вернулся и стал жить среди людей?

Мы говорим о многополярном мире, понимая его традиционно, — это правительство, государство, люди. А через десять лет может появиться технологическое определение. Готовы ли мы к осознанию и обсуждению того, что будет? Готовы ли мы конкурировать с искусственным интеллектом, абсолютно новой реальностью, которая уже стоит на пороге? Может быть, в перспективе ученым надо осознать, куда двигаться дальше и как можно повлиять на эти процессы, иначе они уже влияют на все человечество. Многополярный мир может выглядеть совсем не так, как в традиционных моделях.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Высказываются разные мнения относительно того, каким образом произойдет закат Европы: либо это придется делать вручную, либо это произойдет само собой. Ответ на этот вопрос знает директор Института Европы РАН Алексей Анатольевич Громыко.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Эту дискуссию начал еще О. Шпенглер, и она будет продолжаться и в XXI веке. На пленарном заседании и панельной дискуссии мы говорили о Европе, в том числе о полицентричности, какой она может быть, как распределятся новые центры силы, об их комбинации и политической геометрии. Но мне кажется, что с точки зрения европейских исследований и взгляда на состояние мира надо сказать несколько слов о проблематике контроля над вооружениями. Эта важная тема пока не затрагивалась.

Мы часто используем выражение «стратегическая стабильность», имея в виду систему сдержек и противовесов, которые были выработаны в 1960–1980-е годы в отношениях между СССР и Соединенными Штатами Америки. Правда, сам термин «стратегическая стабильность» появился только в конце 1980-х. Я помню по выступлениям и общению с Андреем Андреевичем Громыко, что в то время высшее политическое руководство страны говорило об установлении военно-политического паритета по существу. Стратегическая стабильность сейчас пребывает в жалком состоянии, считается, что в рамках стратегической стабильности между СССР, потом Россией, и США было заключено десять соглашений, из которых сейчас фактически действует только Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III). Россия приостановила свое участие в договоре СНВ-III после двадцати лет его выполнения, когда США, пренебрегая стратегической стабильностью, в 2002 году вышли

из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО).

Надо сказать, что это приостановка действия договора СНВ-III, а не выход из него. Договор был заключен в Праге в 2010 году, и его действие заканчивается в 2026-м. Договор приостановлен, но стороны продолжают соблюдать Соглашение между Москвой и Вашингтоном об уведомлениях о пусках межконтинентальных баллистических ракет 1988 года.

Сейчас специалисты фантазируют на тему о том, что будет, если в 2026 году не будет предложена новая форма соглашения, которая может прийти на смену СНВ-III. Вспоминают о судьбе договора СНВ-II, который не был ратифицирован Конгрессом США в 1979 году, но до 1984 года стороны придерживались заложенных в нем принципов.

Важным фактором сегодня является Китай, который продолжает активно и быстро наращивать свою ядерную триаду. По прогнозам американских специалистов, к 2030 году Китай может создать порядка тысячи ядерных боеголовок, а к 2035-му — полторы тысячи, то есть фактически он может сравняться по этому показателю с Россией и США. Начиная со времен президентства Д. Трампа Вашингтон делает все для того, чтобы вовлечь Китай в переговоры о стратегической стабильности.

В 2023 году Россия (в лице президента страны) поставила ребром вопрос о том, что Франция и Великобритания также должны присоединиться к этим переговорам, так как де-факто, а в чем-то и де-юре их ядерные арсеналы являются частью совокупной военной мощи НАТО. Для обсуждения этого вопроса есть и другие переговорные «ниточки», так как эти страны — члены официального ядерного клуба и постоянные члены Совбеза ООН.

Сегодня европейской системы безопасности фактически не существует. То, что от нее осталось, находится в руинах. Одна из коренных причин этого — экспансия НАТО, о которой за последние 30 лет было много сказано. Россия, Госдума и Совет Федерации на днях денонсировали участие России в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), перенеся в юридическую плоскость то, что де-факто происходило с ДОВСЕ уже 20 лет, если вспоминать историю этого вопроса, начиная со Стамбульского саммита 1999 года (меры доверия и безопасности в Европе под зонтиком ОБСЕ, венские документы и пр.).

Но надо сказать, что между Россией и ведущими военными командными структурами Запада, США и НАТО коммуникация все-таки сохраняется, когда это необходимо, на связи могут находиться министры обороны и начальники главных штабов. Мы несколько раз наблюдали это в 2022–2023 годах. Также соблюдаются договоренности (соглашения, которые были заключены между СССР и США в 1972 и 1989 гг.) во избежание инцидентов в открытом море, воздушном пространстве и ведения опасной военной деятельности.

Если говорить об основополагающем акте России — НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности, то стороны пока не заявляют о том,

что он мертв, но де-факто это так. Восточный фланг НАТО превращается в бастион. Там увеличиваются инфраструктура и контингент войск с батальонного уровня до бригадного, порядка 40 тыс. военных НАТО находятся в странах, относящихся к восточному флангу.

Интересно, что произойдет на Вильнюсском саммите НАТО в июле текущего года? Есть основания полагать, что НАТО может перейти от концепции гибкого реагирования к концепции запрета доступа или воспреещения нападения противника, проще говоря, дальше будет наращиваться число военных, складов и соответственно увеличиваться инфраструктура в странах, которые граничат с Россией или находятся в непосредственной близости от нее. Напомню, что Финляндия уже стала членом НАТО, а Швеция в 2023-м также может присоединиться к этой организации.

Для Европы очень важен вопрос безопасности, так же как для нас и других стран, в частности, как будет развиваться ситуация после выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. В США уже не только разработана, но и передана на опытные стрельбы и испытание корабельная многофункциональная боевая информационно-управляющая подвижная ракетная система *Thurion*, которая способна стрелять крылатыми ракетами «Томагавк» и зенитными гиперзвуковыми ракетами SM-6.

В принципе, ничего даже в теории не может гарантировать, что через два-три года на территории Европы не появятся новые наземные ударные системы средней и меньшей дальности. Это имеет прямое отношение не только к европейскому театру военных действий, но и к ядерной доктрине. Если это произойдет, то полетное время до Москвы, Санкт-Петербурга и других центров принятия решений (в политической и военной сферах) составит 2–3 минуты, а не 8–10, как сейчас. И тогда, как считают специалисты, не будет другого выхода, как принять решение о переходе от концепции ответно-встречного удара к концепции упреждения. Ситуация будет намного более рискованной и неопределенной, чем сегодня.

В 1968 году, когда был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия и началась его ратификация, в мире таким оружием владели пять стран (Китай, Франция, Россия, Великобритания и США), на сегодняшний день к договору присоединились уже девять стран (в том числе Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея). На Западе говорят о высокой вероятности того, что к этим странам рано или поздно может присоединиться Иран. В последнее время мы слышали заявления от высоких должностных лиц Саудовской Аравии, Южной Кореи и Японии, что в случае изменения ситуации эти страны могут задуматься над производством собственных ядерных систем.

Несколько слов о том, что в Европе сейчас все вращается вокруг украинского кризиса. Он не столько самодостаточен, сколько обнажил противоречия в международных отношениях, которые появились к 2022 году, кстати, как и пандемия в 2020-м. Весной 2020 года много писалось о том, что наконец у мира есть шанс совместно противостоять общей угрозе, забыть о противоречиях, зарыть топор войны и пр. Но

пандемия COVID-19 привела к прямо противоположному результату.

Украинский кризис развивался по расходящимся траекториям: чем больше Россия отстаивала Минск-2, тем более активно другая сторона разрабатывала планы по взвинчиванию противостояния. Сейчас на Украине де-факто ведется прокси-война Запада против нашей страны. Это огромный вызов. Ситуация, как сегодня не раз было сказано, очень напряженная, но тем не менее с этим фактом нам придется иметь дело в ближайшие годы — с максимизацией задач по достижению целей, которые были поставлены в феврале 2022 года.

Поднявшись на глобальный уровень, можно сказать о том, что в ближайшие годы будет идти борьба за умы и кошельки, за сердца глобального Юга. Центры силы — на Западе и Востоке, и ясно, что в одиночку никто не сможет стать лидером и закрепиться на этих позициях. Необходимо собирать вокруг себя коалиции желающих, пусть и неформальные, но делать это сообща с теми, кто разделяет наши взгляды, тактические или стратегические.

Не нужно считать, что внешние факторы предоставят максимум возможностей для развития. Общество и экономика страны, которая претендует на лидерство, должны быть стрессоустойчивыми. Необходимо, чтобы у такой страны была способность регулировать конфликты в сфере своего влияния. Например, недавно в Кремле был сделан большой шаг вперед в урегулировании отношений между Ереваном и Баку.

Последнее, что кажется важным в стратегическом планировании, — нужно исходить в прогнозах из менее удобных сценариев, а не из лучших. Если мы будем считать, что ситуация будет развиваться по менее благоприятному сценарию, и соответственно готовиться к тому, что будет потрачено намного больше резервов и потенциала, чем при более благоприятном сценарии, то это станет залогом нашего успеха и победы.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Алексей Анатольевич, Вы сказали о том, что в ближайшее время Восток, возможно, будет определять будущее. Хотелось бы развить эту тематику. Слово предоставляется преподавателю из Норвегии Яну Стоксету.

Я. СТОКСЕТ: — Я выскажу несколько мыслей, но начну со слов, которые мне кажутся более красивыми и важными, чем высказывания Генрика Ибсена, Достоевского, Толстого. Я думаю, вы поймете, откуда эти слова. Это основа нашей культуры, и очень важно помнить об этом при обсуждении многополярного мира, к которому мы, возможно, идем. Вот эти слова: «И сотворил Бог человека по образу Своему. По образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле».

В мире, на пороге которого мы стоим, эти слова могут быть расценены как ненавистнические, так как в них содержится указание на различия, к примеру

выделяются два пола: есть мужчина и есть женщина. В новом мире это используется как оружие, главным образом против России, Ирана, Венгрии, поскольку лидеры этих стран говорят, что существуют два пола. И когда мы представляем многополярный мир, я вижу его также разделенным на два полюса.

Есть люди, исповедующие разные религии — христианство, иудаизм, индуизм, ислам. Они скажут, что есть два пола, мужчина и женщина. И это основа их картины мира. В Норвегии и вообще на Западе это главная точка для нападков на эти страны. Это подетски, но это действительно так.

Возьмем в качестве примера Венгрию. Уровень жизни растет, люди довольны, но в норвежских и западных газетах ее жителей считают гомофобами. Как сказала Мария Владимировна, упомянув про Филладельфию, не имеет значения, высокий уровень жизни в вашей стране или низкий, если вы гомофобы. А в будущем на этом пути у нас появляются трансгендеры. А что такое трансгендерность? В моем сознании или моем темном воображении, это просто репетиция трансгуманизма. Речь идет об искусственном интеллекте и совмещении, слиянии человека и машины. Это возможно. Ученые достигли в этой области значительного, с позволения сказать, прогресса. Так что, возможно, трансгендерность нужна для того, чтобы подготовить нас к будущему, в котором могут появиться транслюди.

Думаю, в многополярном мире будет разделение между верующими, для которых религия определяет, кто такие мужчина и женщина, и теми, кто выходит за пределы этой платформы и для кого возможным становится вообще все что угодно. Если мы созданы Богом, то на нас лежит определенная ответственность. Если же мы произошли из природы, тогда это вопрос выживания сильнейшего. В этом случае дозволено всё. У вас нет никаких моральных обязательств, если нет отправной точки, в которой Господь определяет ваше существование.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово предоставляется председателю совета директоров газеты «Комсомольская правда» Владимиру Константиновичу Мамонтову.

В. К. МАМОНТОВ: — На Лихачевских чтениях проводятся очень интересные дискуссии, представляющие собой калейдоскоп мнений. Потом появляется тот, кто выстраивает стеклышки в разнообразные цветные узоры. Это чрезвычайно ценно.

Мне не вполне понятен термин «многополярность». Из школьного курса физики мне известно, что полюсов всего два, например в радиолampe катод и анод. Все остальное — различные регулировки. История о том, что мы жили в двухполярном мире, а теперь настанет однополярный, немислима. Этого не может быть, если исходить из курса школьной физики, не говоря уже о высочайших науках.

Мне нравится восстанавливать старую аппаратуру, среди которой я выделяю советскую радиолу «Симфония» (проигрыватель и радиоприемник) — одну из лучших ламповых радиол. Над ее созданием работали

талантливые ученые, которые параллельно запустили Гагарина в космос и создали ядерный реактор.

Если мы переживем современный этап и будет создан многополярный мир, я скажу: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно». Но сегодня из этого ничего не получится, пока неизвестно, сколько просуществует взвешенная послевоенная ситуация. В сущности, современная ситуация напоминает ту, что сложилась после 1945 года, когда все уже устало от войны: посчитали потери (кроме американцев, которые подсчитывали прибыль) и сказали: «Пусть будет многополярный мир хотя бы какое-то время». Но такая ситуация продлилась недолго. Мы видели, как это может работать и какими трудами достигается.

Однако у меня есть ощущение, что «Симфония» со старыми радиолампами просуществует недолго. Придут люди, владеющие технологиями и придерживающиеся иных взглядов на то, как мир должен развиваться, и скажут: «Убирайте лампы».

В ходе дискуссии уже упоминали о том, что сегодня идет борьба за сердца, умы и кошельки. Но постоянно возникают противоречия. И если настанет чудесное время — многополярный мир, еще и без войны, — было бы прекрасно! Получилась бы симфония, напоминающая о старых временах, которые, оказывается, возможны, но мы о них позабыли.

Мне нравятся истории об искусственном интеллекте. Считаю, что все это связано с совершенствованием человека, его бессмертием, продлением жизни. Если раньше у одного Джона Сильвера была деревянная нога, то теперь спортсмены используют высокотехнологичные протезы. Киборги, которых воплотил на экране А. Шварценеггер, — это путь к бессмертию. Компьютерные технологии — путь к тому, чтобы человеческий мозг стал более совершенным.

Бог сказал: идите и владейте (птицами, рыбами и пр.). Но мы сжигаем себя в топке эволюции, производя на свет трансгуманизм и пр. Когда все это соединится, возникнет новое чудовище. История об искусственном интеллекте — из этой же серии. Его вчера еще невозможно было представить.

Считаю все происходящее на Лихачевских чтениях полезным и важным. Создается калейдоскоп мнений. Когда смотришь на то, как он устроен, видишь, что из разных стеклышек складывается прекрасный узор. В то, что этот узор постепенно составляется, мы вносим свой небольшой вклад.

Я. СТОКСЕТ: — Очень интересный момент, касающийся того, о чем Вы говорили. Если появятся киборги или транслюди, будут ли они отвечать за свои действия? К примеру, если один человек убьет другого, его ждет суд. Если же киборг или некто с искусственным интеллектом убьет кого-то, будет ли он нести юридическую ответственность за содеянное? Чем станет человек?

В. К. МАМОНТОВ: — Дам короткий и правдивый ответ в стиле «Комсомольской правды»: не знаю, не уверен. Это вопрос нашей ответственности. Но по большому счету все ответственны за то, что произой-

дет завтра. Допустим, мой интеллект будет перенесен на новый, более долговечный носитель. Ответствен ли я за это? Наверное, да. Но могу ли я что-то реально сделать? Не знаю, не уверен.

М. В. ЗАХАРОВА: — То, о чем Вы сказали, служит индикатором проблемы. Вы предлагаете заглянуть в будущее и ответить на вопрос, будет ли искусственный интеллект или нечто, основанное на искусственном интеллекте, ответственно за убийство человека. Сегодня в том случае, когда один человек убил другого, преступник должен понести ответственность. Но проблема в том, что это не совсем так. Мы исчерпали все возможности, чтобы идти по этому пути. Какую ответственность человек несет? Моральную? Общество готово его оправдать, предоставив ему медикаменты и психологов, лишь бы он не нервничал, и сказать, что он не виноват в том, что произошло, потому что к этому его вынудили обстоятельства. Юридическую ответственность? Это вопрос денег (речь идет не о коррупции или нелегитимном их использовании) и качества защиты (адвокаты, привлечение средств массовой информации, которые могут сделать из него героя, и пр.).

Какую ответственность понес норвежский террорист А. Брейвик, который с особой жестокостью убил колоссальное количество молодых людей и подвел под это политическую и этическую базу? Для многих он стал героем. И в итоге получил комфортнейшие условия пребывания в пенитенциарном заведении (это нельзя назвать тюрьмой), больше напоминающем детскую комнату в магазине «Икеа», а также внимание средств массовой информации, которые удовлетворили его болезненные амбиции, и бесконечные оправдания его действий со стороны политологов, экспертов, психологов и т. д. Он стал знаковой фигурой. К сожалению, за такие поступки человечество обязано нести ответственность, но не несет, а система прогресса обслуживает это безответственное поведение.

Чтобы спастись, нам нужно думать не о том, понесет искусственный интеллект ответственность в будущем или нет, а о том, как нынешний естественный интеллект человека позволит ему нести ответственность. Потому что только в ответственности за самого себя и заключается спасение человека.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — На Лихачевских чтениях присутствует представитель Швейцарии Ги Меттан. Пожалуйста, Вам слово.

Г. МЕТТАН: — Я хотел бы осветить исторические перспективы развития многополярного мира. Считаю, что создание многополярного мира еще никогда не было так близко к успеху. Этому есть три причины.

Первая причина — за сто лет многое изменилось. Например, сейчас уже нет холодной войны и двухполярного мира. В период холодной войны не было возможностей для создания многополярного мира, и основная задача всех стран заключалась в сохранении баланса между США и СССР.

Вторая причина тоже связана с холодной войной. Сейчас уже нет ста государств, которые претендова-

ли бы на роль центра. Достаточно пяти-шести сильных держав, чтобы образовать полюса. Кроме того, страны не разделены, они сотрудничают в рамках ШОС и других организаций, то есть отсутствует разделение и имеется желание сотрудничать.

Третья причина — существование однополярного мира: США и их вассалов. Но этот единственный полюс претерпел значительное сокращение. Ситуация изменилась по сравнению, например, с обстановкой после Второй мировой войны, когда в 1945 году США обеспечивали 40 % экономического мирового развития, в то время как сегодня эта доля составляет лишь 18–20 %. Произошло двукратное сокращение влияния, что свидетельствует о предпосылках перехода к многополярному миру.

Но для того, чтобы многополярность стала успешной, необходимо решить три проблемы. Первая: в настоящее время Запад все еще доминирует в мире и контролирует весь нарратив, используя различные фейковые ценности, такие как демократия, права человека, экология. Такой нарратив следует подвергнуть сомнению и пересмотреть, чтобы преуспеть. Вторая проблема: Запад все еще доминирует в финансовой сфере. Долларизация экономики значительно усилила доминирование и контроль Запада, и необходимо действовать в этом направлении, чтобы контролировать долг и преодолеть доминирование. Третья проблема: многополярность подразумевает несколько центров, то есть это не единый мир. В настоящее время Запад будет стремиться применять принцип «разделяй и властвуй», поэтому необходимо не допустить политики разделения, стимулирования Западом развития конфликтов между различными странами, например Индии против Китая. Запад будет пытаться это сделать, но такие попытки нужно пресекать.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — В развитие этой мысли хотел бы предоставить слово профессору Университета Сорбонна Оливье Рокпю.

О. РОКПЮ: — Я хочу прежде всего поговорить об истории. Мне кажется, что момент, в котором мы сегодня находимся, похож на период, существовавший до одного очень важного события, о котором мы почти забыли. Это была, наверное, самая первая мировая война. Я имею в виду Семилетнюю войну. В ней участвовали Англия, Франция, Пруссия, Австрия, Испания и Португалия, а также Россия. Военные действия шли как в Европе, так и за океаном: в Северной Америке, странах Карибского бассейна, Индии, на Филиппинах. Эту войну считают колониальной, так как в ней столкнулись колониальные интересы Великобритании и Франции.

Многополярность прежде всего означает конец колониализма, который зародился в 1763 году с победой Англии над Францией в Семилетней войне. Тот колониализм, который нам известен, порожден англичанами.

Почему я об этом говорю сегодня? Если совпадают тренды философии, культуры, политики, экономики, можно догадаться, что произойдет. В Западной Европе

и США мы наблюдаем конец рационализма, демократии, либерализма. Во Франции начинают открыто говорить о том, что принципы либерализма (разделение между законодательной, исполнительной и судебной властями) уже не важны и парламент не играет никакой роли, так как президент его игнорирует.

Было бы интересно сравнить мир начала XVIII века и начала XXI столетия, чтобы понять, какие возможности развития остались. Современная Европа похожа на ту, что существовала в начале XVIII века, то есть до колониальной эры. Современный Китай похож на великий Китай начала династии Цинь. Испаноговорящий мир важен сегодня, как и раньше. Турция и Иран стремятся вновь обрести статус, который принадлежал им ранее.

В завершение добавлю, что колониализм как главный инструмент глобализации почти исчез, но еще не полностью, и сейчас он сам себя разрушает. Сегодня мы наблюдаем явление самоколонизации, потому что колониализм не исчез из умов жителей Европы и Северной Америки.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово Дмитрию Бабичу — обозревателю агентства «РИА Новости», члену Союза журналистов России.

Д. О. БАБИЧ: — Думаю, все обратили внимание, что в марте этого года был выдан так называемый ордер на арест Президента Российской Федерации Владимира Путина. Но поскольку Россия не присоединилась к римскому статуту Международного уголовного суда в Гааге, его решения для нас ничтожны. И все же предлагаю вспомнить сходные случаи, когда международным судом предпринимались попытки судить лидеров государств и к чему это приводило. Изначально предполагалось, что главная цель таких решений — моральное осуждение со стороны народа той страны, которую данный руководитель возглавляет. Поэтому, когда появилось это неправовое, с моей точки зрения, решение относительно Владимира Путина, в газете *Berliner Zeitung* была опубликована обзорная статья на тему, удалось ли хотя бы однажды добиться того, чтобы население осудило своего лидера.

Самые интересные данные в этом плане связаны с Нюрнбергским трибуналом. Когда судили нацистских преступников, население Германии было настроено решительно против них. Надо признать, что США тогда постарались убедить немцев на тех территориях, которые они контролировали, что они, американцы, не имеют ничего против народа Германии, а осуждают только нацистских бонз, которые развязали страшную войну. Были проведены социологические исследования, в ходе которых выяснилось, что непосредственно во время Нюрнбергского процесса большая часть немецкого народа требовала жестких наказаний. Но затем, в 1960-х годах, когда Ханна Арендт и другие немецкие философы и историки, уехавшие в США, стали утверждать, что виноваты были не только Гитлер и его приспешники, но и общество, которое это допустило, настроения немцев стали меняться. Стали говорить, что суд в Нюрнберге был несправедливым. Так бывает

после любой войны: кто победил, тот потом и судит побежденных. Думаю, мы все здесь считаем, что осудить нацистских преступников, конечно, было необходимо, и возложение вины на общество в какой-то мере обосновано. Тем не менее колебания общественного мнения представляют определенный интерес.

Любопытно, что этот феномен повторился, как заметили авторы статьи в *Berliner Zeitung*, после войны в Югославии. Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) был создан в 1993 году, и Россия в Совете Безопасности ООН поддержала его создание, потому что мы рассчитывали, что это будет честный суд. Представитель России в СБ ООН Юрий Воронцов, выступая после голосования, сказал, что впервые не победитель судит побежденного, а все международное сообщество в лице трибунала вынесет свой вердикт тем, кто попирает не только нормы международного права, но и просто человеческие представления о гуманности. Как сказала Мария Владимировна, нам очень хотелось верить тогда, в конце 1980-х — начале 1990-х, что человечество пришло к согласию и мы сейчас вместе построим прекрасную справедливую жизнь. Но, увы, мы знаем результаты МТБЮ: 92 осужденных — сербы, 33 — хорваты, 8 — косовские албанцы, 7 — боснийские мусульмане. То есть сербы составили абсолютное большинство осужденных. Но самое ужасное заключается в том (и это заметили в *Berliner Zeitung*), что сербский народ не принял решение трибунала. Когда бывших членов сербского военного руководства освобождали, их встречали с цветами. То есть трибунал фактически оказался нелегитимен. Понимаете, фиаско заключается даже не в том, что не всех виновных удалось привлечь к суду, а в том, что среди осужденных оказалось сербов больше, чем представителей других этнических групп. То есть очевидно, что в это время система начинает буксовать.

И уже полностью она провалилась в Африке, когда не удалось даже задержать суданского президента Омара Аль-Башира, хотя к тому времени он был уже свергнут. Сейчас вроде бы ничто не мешает его выдать, но африканцы не спешат это делать.

Решение относительно нашего президента принято явно по политическим мотивам и призвано прежде всего ограничить его возможности для зарубежных визитов. Однако оно бьет мимо цели, потому что не поддерживается общественным мнением в России и во многих других странах, особенно глобального Юга. Почему, кстати, Африканский союз содействовал привлечению к ответственности Омара Аль-Башира? Не потому, что он принял его сторону в гражданской войне в Судане. Просто африканцы знают, что ситуация очень сложная, она не укладывается в голливудский шаблон «хороший парень против плохого». В суданском кейсе практически невозможно определить, кто прав, а кто виноват, но американцы и европейцы делают вид, что им все понятно.

Получается, что человечество стараниями прежде всего Запада утратило способность определять какие-то действительно общие для всех ценности. Поэтому можно сказать, что международная юстиция находит-

ся в состоянии кризиса и необходима ее срочная реформа. Думаю, что эта реформа должна предусматривать увеличение в международном правосудии веса незападных стран, чтобы не допустить повторения такого кейса, как с Омаром Аль-Баширом. Прежде чем судить африканца, спросите африканцев, что они об этом думают. Перед тем как судить участника войны в Югославии, спросите граждан стран, входивших в федерацию. Я убежден, что это тот принцип, который нам стоит защищать.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Надеюсь, что опыт и традиции, которые мы нарабатываем, станут основой для будущего реформирования международного права. Это позволит в будущем принимать верные решения в сложнейших ситуациях в условиях многополярности мира, так чтобы они служили делу прогресса и созидания.

Слово предоставляется Виталию Николаевичу Пунченко.

В. Н. ПУНЧЕНКО: — Мы рассуждаем о многополярности, подразумевая при этом, что полюсы могут представлять крупные государства, отвечающие определенным критериям: сильная армия, дипломатия, ВВП и прочие ресурсы. Однако давайте взглянем с точки зрения малых и средних государств, не располагающих такими ресурсами, причем не только с позиции правительств, но и глазами их народов. Можно ли представить себе более компромиссный образ будущего многополярного, постконфликтного мира? Скорее всего, это будет такой мир, в котором каждое государство можно рассматривать как отдельный полюс, поскольку оно будет самостоятельно определять свое место в геополитике, не опасаясь потерять субъектность и раствориться из-за гравитации больших полюсов. Это непростой путь. Именно сейчас его проходят Беларусь и Россия. Возможно, история белорусско-российской интеграции в конечном счете явит миру новый формат многополярности — союз двух по-своему сильных полюсов, по сути два ядра одного полюса. Я считаю, что многоядерные полюсы вполне возможны. И если наш опыт окажется удачным, то, безусловно, он будет распространяться.

Мы видим большое внимание к процессам интеграции со стороны и других стран — участниц ЕАЭС, ШОС, других объединений. Поэтому наиболее эффективный путь к многополярности — создавать территорию успеха. Это не просто, ведь речь идет не только об экономике, но и о ценностях, о восприятии друг друга. Далеко не все вопросы решаются и даже обсуждаются — зачастую мы замалчиваем темы, которые считаем потенциально конфликтными. Однако расхождения в идеологемах — это не уязвимость, а преимущество, которое надо использовать по максимуму. Поэтому необходимо интенсивнее проводить исследования, реализовывать аналитические медийные проекты, развивать взаимоуважительный экспертный диалог. Это уже реализуется, но впереди еще долгий и сложный путь.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Приглашаю к микрофону профессора Владимира Александровича Шамахова.

В. А. ШАМАХОВ: — Я по первому образованию технар, поэтому имею несколько приземленные взгляды. Я считаю, что любой показатель должен быть измеримым. Вообще критерии многополярности никто пока официально не сформулировал. На мой взгляд, это сделать необходимо, потому что, употребляя данный термин, разные люди, возможно, имеют в виду не вполне одно и то же. Вероятно, все же в качестве плюсов мы будем рассматривать государства и соответственно их экономику, военный потенциал, технологическое развитие (хотя последнее вряд ли будет определяющим). Но на первом месте продолжают оставаться традиционные ценности, религия и культура. В связи с этим хочу еще раз поблагодарить Александра Сергеевича Запесоцкого и его коллег за то, что они по-прежнему занимаются темой диалога культур — ведь это главное, что есть в современном мире, да и в будущем ситуация не изменится.

Похоже, что наши оппоненты, проигрывая нам в традиционных ценностях, решили сделать ставку на электронные технологии вроде трансгуманизма. Однако эта разрушительная тенденция угрожает разрушением не только культуре, но и привычному миру вообще. Самое страшное, что она нацелена прежде всего на детей. Мы много говорим о будущем как о мире, в котором будет жить нынешняя молодежь, но мировоззрение человека складывается гораздо раньше, поэтому надо налаживать соответствующее воспитание в младших классах и даже в детских садах. Мы говорим о решении проблем высшего образования, забывая о средней школе, а ведь там тоже требуются реформы. В советский период воспитательная работа в школе была на высоком уровне.

И, конечно, нам не обойтись без идеологии. Тут выбор простой: нет своей идеологии — будет чужая. Поэтому идеология, опирающаяся на традиционные ценности, сегодня очень нужна, а идеологическую работу надо вести начиная с дошкольного возраста. Мы должны все вместе бороться за умы следующих поколений, а значит, и за будущее страны.

М. В. ЗАХАРОВА: — Что касается трансгендеров, трансгуманизма и многих других технологий, то хочу привести пример, иллюстрирующий пользу таких «достижений». В конце 1950-х годов в Канаде родились близнецы — два мальчика. У обоих была небольшая медицинская проблема, которая требовала оперативного вмешательства. Одного прооперировали должным образом, и он стал здоровым, а с другим допустили врачебную ошибку, которая поставила крест на его репродуктивной функции. И тогда к решению вопроса подключился американский врач, который занимался проблемами детской и гендерной психологии. Он предложил сменить ребенку пол. Объяснил родителям: младенцы не понимают, мальчики они или девочки, а мы сейчас подкорректируем ребенку анатомию, и вы будете воспитывать его как девочку, потом еще добавим гормоны.

Чем закончилась эта история? К 15 годам у ребенка было несколько попыток суицида. Родители приняли решение рассказать о том, что произошло вскоре после его рождения, и ребенок, дождавшись совершеннолетия, поспешил к хирургу — возвращать свой природный пол. После операции все, казалось бы, наладилось, он даже женился. Но созданный за все годы дисбаланс оказался таким травмирующим, что в 38 лет он все-таки покончил с собой. То же самое сделал и его брат, потому что он почему-то считал себя виновным в трагедии. Чудовищная история.

Но что произошло с тем американским врачом? А ничего! Он не признал свою ошибку, и общество его не осудило. Он прожил долгую жизнь, писал статьи, давал интервью.

Так вот, самое ужасное заключается в том, что подобные практики сейчас стали новой нормальностью. Мы допускаем ошибку, когда говорим, что это такая мода и скоро она пройдет. Не пройдет, если мы не будем самым решительным образом бороться с этими уродливыми явлениями.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Да, это правда. А теперь предлагаю узнать мнение социологов. Сергей Григорьевич Мусиенко, прошу Вас.

С. Г. МУСИЕНКО: — Вчера Валерий Александрович Черешнев на пленарном заседании высказал важную для меня мысль, что наука — это неотъемлемая часть культуры. Это пересекается с идеей Сергея Георгиевича Кара-Мурзы, еще 20 лет назад написавшего книгу «Идеология и мать ее наука». Сегодня к идеологии надо подходить с научной точки зрения. В связи с этим трудно переоценить роль Лихачевских чтений, уже не одно десятилетие транслирующих это понимание. Сегодня мы видим ожесточенную борьбу на идеологическом фронте, когда сносятся памятники, запрещаются символы и отменяются целые культуры.

В свое время я в кандидатской диссертации попытался доказать, что элита государства — это те люди, кто отвечает (и осознает эту ответственность) за прошлое, настоящее и будущее своей страны. В Стратегии национальной безопасности России от 2021 года есть слова о защите традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. За два года эта Стратегия во многом утратила актуальность. Однако в Беларуси Концепция безопасности была разработана 25 лет назад! Поэтому я предлагаю использовать возможности, которые предоставляют нам Лихачевские чтения, выдвинуть некоторые предложения относительно будущей концепции безопасности Союзного государства, которую рано или поздно придется совместно принимать. Мы работали над таким документом в Беларуси, но с началом СВО приостановили эту деятельность, потому что стало понятно, что потом в него придется вносить много изменений. Я считаю, что в новой концепции должен появиться раздел «культурная безопасность», а в качестве основы для него надо взять «Декларацию прав культуры», созданную академиком Лихачевым в сотрудничестве с СПбГУП.

В ответ на опасения академика Шумилина могу сказать, что только культура может предотвратить те негативные последствия, которыми чревато развитие искусственного интеллекта.

У меня такое ощущение, что на Западе сейчас реализуются идеи УНОВИСа (Утвердителей нового искусства) — объединения, созданного в 1920 году Малевичем. Во всяком случае именно в этом стиле сейчас работают дизайнеры брендовых автомобилей, одежды и т. д. Это ведет к их самоуничтожению, поэтому наша задача — не допустить подобных явлений уже в нашей действительности.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — И еще один социолог из Республики Беларусь — Ирина Валерьевна Лашук.

И. В. ЛАШУК: — Я уже много лет занимаюсь социологией культуры — направлением, которое сегодня часто называют культуросоциологией, и на протяжении многих лет говорю о том, что культура определяет очень многое в самых разных областях жизни. Но, поскольку в экономическом вузе тема культуры не входит в число основных, я выполнила социологическое исследование, в котором получила количественные данные, показывающие (в процентах!) вклад социокультурной составляющей в экономическое, социально-политическое и культурное развитие общества. В развитие этой темы я стала изучать такой феномен, как социокультурная консолидация общества. Я согласна с идеей измеримых показателей, но как такую консолидацию выразить в числах? В связи с этим возьму на себя смелость и прокламирую свои работы, в которых я предлагаю полезные, на мой взгляд, инструменты. Если мы объединим усилия для того, чтобы вести мониторинг этой самой важной сферы — социокультурной, это будет огромная победа. И давайте помнить о том, что эта сфера формируется долго, в течение многих лет, но потом ее практически невозможно разрушить.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Галина Валерьевна Наумова, писатель, переводчик, антрополог. Вам слово.

Г. В. НАУМОВА: — Наверное, самым правильным для моей специализации можно считать термин *cultural anthropologist*. Как и Владимир Александрович, я думаю, что нам не хватает точного определения многополярности. Всемирно известный политолог XX века Эмюэль Хантингтон предложил свой вариант (возможно, самый верный), предполагающий идентификацию по культурному принципу. Что это за принцип? Это целый комплекс критериев, объединенных по модели магнита, о чем говорила Мария Владимировна. Такие «магниты» притягивают общие структуры коллективного мышления и действия. Наглядный пример — Запад. Хантингтон не говорит о культурном разнообразии Запада, а рассматривает Запад как целостное явление. Славянско-православные страны — это одна цивилизация, индуистские — другая. Особняком стоит китайская цивилизация, причем Хантингтон определяет ее по признаку конфуцианства, и это правильно, потому что религия играет основополагающую роль для

идентификации. И, безусловно, страны ислама тоже представляют отдельную цивилизацию.

Культурная идентификация включает весь комплекс антропологических признаков, которые определяют отношения между мужчиной и женщиной, отношение человека к смерти, ко времени, к природе и т. д. Последний фактор играет огромную роль в конфуцианстве и других архаических культурах, для которых в природе заключается смысл существования, это их символ. Сегодня обострилась проблема выживания человечества, с которой связаны такие феномены, как трансгуманизм и искусственный интеллект. Когда я во второй половине 1990-х годов встретилась в Массачусетсе с Марвином Минским, во время беседы он вдруг надолго задумался, а потом произнес: «Душу будем убирать, душа мешает». По-моему, это ответ на все вопросы: нет души — нет Бога, а значит, ни духовности, ни морали тоже нет.

Для того чтобы человечество выжило, нам всем надо объединиться и выработать какие-то общие решения, а для этого требуется мышление планетарного масштаба. Но при этом нам, россиянам, надо осознать, что мы никогда не будем близки Западу, поэтому не должны ему доверять. Каждый раз, когда на какой-нибудь конференции заходит речь о русской душе, коллеги из западных стран сильно возбуждаются. Их раздражает именно русская душа — наша самая большая ценность, которую мы должны сохранить, несмотря на все исторические перипетии.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — С удовольствием и вниманием выслушаем кандидата философских наук Екатерину Владимировну Радевич.

Е. В. РАДЕВИЧ: — Мы, философы, знаем, что культура — очень многоплановый феномен, который можно рассматривать с разных точек зрения, применяя при этом и информационный, и деятельностный, и семиотический и другие подходы. Философия изучает любую проблему в динамике, но в том, что касается культуры, я, как философ, настаиваю на аксиологическом подходе. Культура — это прежде всего система ценностей, которая в любом обществе составляет ядро культурной традиции. И это то, что позволит, возможно, избежать дивергенции, свидетелями которой мы сегодня являемся. Именно культура, понимаемая с точки зрения аксиологического подхода.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Профессор Дмитрий Валентинович Мосяков, пожалуйста, Вам слово.

Д. В. МОСЯКОВ: — В ходе наших дискуссий было высказано много интересных идей. Во-первых, замечательную мысль высказала Мария Владимировна — о борьбе между культурой и антикультурой. Какая из них одержит победу? Общество с высокоразвитой культурой состоит из людей, которые привыкли считаться с другими, для них существует масса ограничений. Бескультурие же означает отсутствие красных линий, когда человек не считает нужным обуздывать свои самые темные инстинкты. Что можно им противо-

поставить? История знает немало примеров, когда варварские племена оказывались сильнее высокоразвитых цивилизаций и разрушали их. Поэтому данная проблема не только философская — она требует поиска практических решений.

Во-вторых, мы живем в новой системе международных отношений. Международное право фактически не действует, а любая коллизия разрешается по правилам, которые регулярно меняются согласно интересам тех, кто устанавливает эти правила. В настоящее время, например, то и дело возникают конфликты по поводу решений, принятых Западом. Исторический контекст не имеет значения, а разрешение конфликтов предполагается на основе сложившейся ситуации. Наглядный пример — спор между Филиппинами и Китаем по поводу некоторых островов и акваторий в Южно-Китайском море. Были вынесены судебные решения в пользу Филиппин, но Филиппины не могут этим воспользоваться, потому что Китай более крупная и мощная страна с сильной армией.

В-третьих, культура компромисса, похоже, осталась в прошлом. Миротлюбивые сообщества, желающие разрешить конфликт, стараются как можно скорее найти компромисс и заключить мир. Сегодня мы видим другую логику: давайте воевать до тех пор, пока кто-то из нас не победит, и тогда мы будем готовы вести переговоры об условиях мирного соглашения.

Наконец, в-четвертых, все окутывается таким феноменом, как постправда. По-моему, постправда — один из самых мощных инструментов информационной войны и давления на оппонента. Что это такое? Постправда получается тогда, когда в правдивую информацию добавляются некоторые нюансы, выгодные тем, кто ее транслирует. Особенно страшно, что эти источники обладают монопольным правом на информацию, у них самые большие аудитории, их версия всегда считается основной, а другие могут только публиковать опровержения.

Все эти новые реалии представляют некую целостность, в которой мы уже живем. Надо осознать это в полной мере и думать над стратегиями, которые помогут в этой сложной ситуации.

Мария Владимировна высказала еще одну интересную мысль — о глобальных мистификациях. Действительно, мы наблюдаем одновременное существование всех описанных мною принципов, и в результате складывается определенная картина. И тут я хочу напомнить историю Древней Греции, в которой была многополярность (Афины, Спарта, Фивы), затем последовал период беспоплярности, распада, а после этого пришли македонцы.

В дальнейшем события могут развиваться по-разному, но мы должны найти решения. Как нам жить в отсутствие универсального международного права, чем отвечать на постправду и т. д.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Мария Владимировна Захарова, Ваша реплика.

М. В. ЗАХАРОВА: — В чем заключается главная цель культуры? В количестве театров, музеев, стадио-

нов? Конечно же, нет. Культура — это один из способов сохранения человека в своей природе, в человеческой сути, в той ее части, которая отличает нас от всех остальных животных, даже таких умных, как дельфины.

В 2004 году я впервые приехала в Вашингтон. А в семье моих родителей было правило: в любом городе надо в первую очередь посетить его главный музей — художественный, исторический, краеведческий — в общем, самый репрезентативный. И я отправилась в Национальную галерею искусств. Напомню, что галерея существует во многом благодаря переданным в дар частным коллекциям и пожертвованиям. Дохожу до зала средневекового западноевропейского искусства, иду мимо скульптурной композиции в центре, и вдруг меня останавливает зритель — афроамериканец примерно 55 лет: «Мадам, стойте!» Моя первая реакция: «Боже мой, какие правила я нарушила?» А он говорит: «Я здесь работаю, и то, что вы видите, — это, конечно, великие шедевры. Но на этот пьедестал я бы поставил сейчас ваши туфли».

Это смешно только на первый взгляд. Оказалось, что все посетители приходят в галерею в кроссовках, и не только в галерею — они надевают спортивную обувь и в театры, и в гости, и вообще везде. А на мне были элегантные туфли. То есть смысл культуры не только в том, чтобы собрать великие произведения искусства для всеобщего обозрения. Человек должен сохранять понимание, что театр и музей — это пространство, отличное от повседневного быта. Вы соприкасаетесь с прекрасным, и если вы имеете соответствующий внешний вид, то это свидетельствует о вашей личной культуре.

Я считаю, надо возвращаться к более глубоким и вечным смыслам. Предшествующие поколения создали для нас очень много, и наша задача — не только пользоваться этим наследием, но и развивать и улучшать его.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Руслану Васильевичу Костюку.

Р. В. КОСТЮК: — Когда мы говорим о многополярности и проблемах новой геополитики, то часто пользуемся штампами «коллективный Запад», «золотой миллиард» и т. п. Красивые формулировки, но мы должны понимать, что на самом деле между странами Запада нет внутреннего единства. Активизировавшееся социально-классовое протестное движение свидетельствует о том, как много противоречий в западноевропейских обществах. Много вопросов вызывает функционирование европейской социальной модели, по крайней мере об этом уже давно говорят руководители левых партий и современного профсоюзного движения. Безработица, рост цен и тарифов на коммунальные услуги, снижение покупательной способности граждан вкупе с проводимой политикой приватизации, повышением пенсионного возраста и другими действиями властей — все это является продолжением политики неолиберализма. Эта политика сталкивается с критикой слева и справа, поэтому все отчетливее

становится тенденция к радикализации общественно-политической жизни. В 2022–2023 годах протестное движение в западноевропейских странах — Германии, Франции, Великобритании, на юге континента — стало более активным.

В связи с этим отмечу один важный момент. Во времена холодной войны борьба за социально-трудовые права в капиталистических странах была важной темой всех съездов КПСС, это движение рассматривалось как союзник СССР. И это были не просто слова, это была реальная ситуация. Сегодня у нас таких союзников нет. В странах Европы позиция ведущих левых партий и профсоюзного движения — как отраслевых профсоюзов, так и общеевропейских — негативная относительно действий России. Тем не менее эти движения наносят удары по социально-политической ситуации в западноевропейских странах. Последние события во Франции это показали — как и то, что представитель французского либерализма Макрон действует совсем не либеральными методами. В итоге его критикуют радикально настроенные

представители и левого, и правого фланга. Примеры такого рода можно увидеть не только во Франции. Поэтому, я считаю, мы должны анализировать эти явления в контексте изменения современных международных отношений.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Мне вспомнился старый советский фильм «Время выбрало нас». Картина была о Великой Отечественной войне, но сегодня мне хотелось бы повторить: время выбрало нас. Нас с вами. Для того, чтобы в очередной раз подвергнуть испытаниям. Конечно, это не те ужасы, через которые пришлось пройти нашим дедам, но то, что мы сегодня переживаем, — тоже тяжелейшее испытание. Я знаю, что победит свет. Уверенность вселяет и то, что лидеры наших государств Владимир Владимирович Путин и Александр Григорьевич Лукашенко — не функционеры, а люди, искренне переживающие за настоящее и будущее.

Благодарю вас за участие в сегодняшней полезной и интересной дискуссии.